



Мы хорошо знаем Донатаса Баниониса — актера кино. Помним его героев — председателя Вайткуса, разведчика Ладейникова, художника Гойю, Президента из «Кентавров». Недавно на телеэкране повторялись «Приключения принца Флоризеля». В прошлом месяце в репертуаре ленинградских кинотеатров были литовские фильмы «Факт» и «Андрюс», в них тоже снимался Банионис. Меньше знают Баниониса как театрального актера, хотя в 1976 году он приезжал вместе с Паневежским театром, играл в спектаклях «Пляска смерти», «Гедда Габлер», «Вольпоне».

В театре литовского города Паневежиса Банионис почти с самого основания: ему было неполных семнадцать, когда первый раз вышел на сцену. И вот уже четыре десятилетия имя Донатаса Баниониса не отделяемо от паневежской сцены, от театра, история которого овеяна легендами. В год 60-летия образования СССР Паневежский театр побывал в Ленинграде с творческим отчетом. В спектаклях «Кафедра» и «Реквием по монахине» мы снова встретились с Банионисом-актером. Но на этот раз он приехал в наш город и в ином качестве — художественного руководителя Паневежского театра.

К 60-ЛЕТИЮ СССР

ДУМАЯ О ЗРИТЕЛЕ



дирекция — от двухлетнего малыша до самого искусственного театрала. Каждую неделю мы делаем два-три выезда за пределы города. И три дня играем на стационаре.

Зритель у нас разный. Прежней дифференциации на городского и сельского теперь уже нет. Сейчас другое — разница вкусов, возрастных интересов, эстетической подготовленности. Нужны, видимо, разные спектакли. Но никаких проблем с тем, чтобы заполнить зрительный зал, у нас давно уже нет. Жители Паневежиса на каждом спектакле составляют примерно лишь четверть зала. Три четверти — это приезжие из Литвы и из других республик. Приезжают целыми группами из Риги, Минска, Таллина, Ленинграда. Обычно не менее половины зрителей пользуются наушниками с синхронным переводом. Поэтому, когда мы думаем о зрителе, то помним: это зритель всей страны.

Интерес вызывают и новые спектакли — нам это очень важно. Поставили две современные литовские пьесы (одну из них — «Ржавая вода» Казиса Сая поставили мы с Гедиминасом Каркой, ленинградцы могли познакомиться с этим спектаклем на наших гастролях). Пьесы острые, вызывающие споры, сосредоточивающие внимание на трудных нравственных аспектах жизни нашего общества, его духовного здоровья. И вот результат: на «Ржавую воду» мы уже получили заявки от предприятий и учреждений республики на 14 тысяч билетов (зал нашего театра — около 500 мест, так что это по крайней мере на два сезона вперед).

— Вы, как и другие мастера паневежской сцены, нередко встречаетесь со зрителем на кино- и телеэкране в фильмах, снятых на разных студиях страны. Вероятно, несмотря на вашу занятость делами театра, такие встречи в ближайшем будущем не совсем прекратятся?

— Недавно на «Ленфильме» закончили съемки четырехсерийной картины «Николло Паганини», сыграл там адвокат Джереми (начал эту работу еще не будучи главным режиссером). Остались самые приятные воспоминания от встречи с режиссером Леонидом Менакером, понимающим актера, умеющим хорошо с ним работать. И от общения с такими партнерами, как Владимир Мсрян, Альберт Филозов. С удовольствием сыграл небольшой эпизод в новой работе Витаутаса Жалакявичуса — фильме «Улыбка», который он по своему сценарию ставит на Литовской студии. В главных ролях там актеры нашего театра Эугения Шульгайте и Вацловас Бледис. С Жалакявичусом у нас старая дружба — и личная, и творческая. И у нашего театра тоже с ним постоянные контакты.

— После фильма «Никто не хотел умирать» Жалакявичус сказал в интервью: «Работа с мастерами Паневежского

театра — это взаимная школа. Видно, это тот случай, когда от сотрудничества выигрывают обе стороны?»

— Это близкий мне и всем нам художник. Многие наши актеры свои лучшие кинематографические роли сыграли именно в его фильмах. Мой дебют в кино состоялся в 1959 году в картине «Адомас хочет быть человеком» — первом полнометражном фильме, поставленном Жалакявичусом. Потом были «Хроники одного дня», «Никто не хотел умирать», «Кентавры». С Жалакявичусом у нас (у меня и всего нашего театра) — общность поисков, устремлений, понимание задач искусства, единая актерская школа. Теперь, когда Жалакявичус вернулся на Литовскую студию, став ее художественным руководителем, наши связи, я надеюсь, еще укрепятся.

— Недавно по экранам прошла литовская картина «Фант» режиссера А. Грикявичуса по сценарию В. Жалакявичуса, получившая главный приз XIV Всесоюзного кинофестиваля в Вильнюсе. Кстати, наша землячка Елена Соловей участвовала в этом фильме и получила премию на Каннском фестивале за лучшую вторую роль. Но в пренате сложилось так, что лента несомненных художественных достоинств, с прекрасными актерскими работами имеет ограниченный зрительский успех. Как вы думаете, в чем причина? Может быть, в усложненной форме, требующей от зрителя определенных усилий?

— В Литве картина прошла широко. Премьера состоялась в один день сразу во многих кинотеатрах республики. Участники фильма встречались со зрителем, ездили по разным городам. Перед сеансами выступали ветераны войны и партизанского движения, оставшиеся в живых очевидцы трагедии деревни Пирчюпай. Для литовского кино это не рядовой фильм, а событие, да-

леко выходящее за пределы искусства. Фильм правдиво отражает судьбу нашего народа в те далекие дни гитлеровской оккупации. Маленького народа, над которым нависла угроза геноцида. На экране простые люди, каждому бы из них жить да жить, радоваться жизни, создавать жизнь. Им и невдомек, что их судьба уже решена, что существует целая философия оголтелого расизма — в фильме ее несет эсэсовский полковник Титель (которого я играю). Они даже не подумали сопротивляться. И понять ничего не успели, как оказались загнаны в сарай и сожжены живыми. Фильм предостерегает против пассивности, напоминает: только доброта и неверие во зло не спасет человека. Нужно уметь защитить добро, справедливость, себя самого и жизнь своих близких. Мир, одним словом. Фильм глубоко гуманистичен, он будит мысль и сеет беспокойство, но делает это не прямо, так сказать, не открытым текстом, а всей своей достаточно сложной образно-драматургической структурой. Надеюсь все же, что он найдет своего зрителя. Зрителя, который отнесется к нему с доверием. И работники кинофикации должны помочь ему в этом.

— В вашей биографии были фильмы, получившие широкое зрительское признание — «Никто не хотел умирать», «Мертвый сезон», «Гойя». Но были и другие...

— Были и такие, от которых я ожидал успеха, а его почему-то не было. Скажем, «Солярис». Это вообще не всегда предсказуемо. Так, лет двадцать назад я не мог понять, почему зрителю не нравится прекрасный японский фильм «Голый остров», глубоко потрясший меня. А публика уходила из зала, хлопая стульями. Мне могут объяснить и точно рассчитать, чего фильму недостает для массового успеха, но сердцем я этого почувствовать не могу. Тут бывают моменты и совсем для меня неясные. Я, скажем, понимаю и признаю успех фильма «Москва слезам не верит». Но удивлен, почему его не было у «Осеннего марафона» — во всяком случае такого, как я ожидал. Как сочетать глубину и оригинальность мысли с необходимой формой выражения, с тем, чтобы идея фильма дошла до возможно большего числа зрителей? Это вопрос, над которым стоит поломать голову не только кинематографистам, но и всем, кто по долгу службы и призванию озабочен проблемами развития нашего общества. Я бы сказал, что основная задача киноискусства — внушить зрителю необходимость думать о проблемах зрителя. Помочь разобраться, с какой целью он идет в кино. Только ли развлечься?

Рядовой зритель — это, вообще говоря, неточное понятие. У каждого целый комплекс собственных представлений о жизни. И темперамент, и воспитание, и настроение в данную минуту — все влияет на восприятие фильма. Я встречаю своих зрителей и в купе поезде, и в автобусе, и просто на улице. И только поражаешься всякий раз, какой он разный, этот так называемый массовый зритель. Иной раз столь интересно и оригинально судит, обладает, кажется, врожденным даром восприятия искусства. А поинтересуешься профессией собеседника, оказывается, он слесарь или инженер. Или еще кто-то, профессионально с искусством никак не связанный. Для меня всегда дорого общение со зрителями — встречи, интервью, непосредственные живые контакты. Это необходимая составная часть моей работы, моей жизни. И условие существования любого художника, любого творческого коллектива — жить, постоянно думая о нем, о своем зрителе, другого не дано. Беседу вел Евг. АБ

— Донатас Юозович, что изменилось в вашей жизни за последние два года? Как уживаются актер Банионис и Банионис — главный режиссер, всегда ли мирно сосуществуют?

— Это мой второй сезон в должности главного режиссера. Я стал им в силу необходимости. Так сложилось, что театр остался без руководителя. Чтобы сохранить опыт четырех десятилетий, традиции, труппу, продолжить то направление реалистического поэтического-психологического театра, которое было взято его основателем и нашим учителем Юозасом Мильтинисом, нужен был руководитель из «своих», из тех, кто прошел с коллективом долгий путь с самого начала. Попросили меня, и вот уже второй сезон я отвечаю за весь театр. Масса всевозможных проблем и забот возникает едва ли не каждый день, и нужно искать оптимальные решения, а я ведь только учусь быть главным режиссером.

Но сделано основное — удалось сохранить театр. Он должен оставаться живым организмом. Для начала пригласили поставить спектакли нескольких молодых режиссеров с тем, чтобы каждый из них, не ломая нашей эстетики, внес что-то свое. С одними у театра получился контакт, с другими нет. А вот совсем незадолго до ленинградских гастролей у нас прошла премьера «Обыкновенной истории» Розова по роману Гончарова в постановке актера Малого театра Эдуарда Марцевича. Это не было случайным приглашением. Несколько лет назад Марцевич стажировался у Мильтиниса как режиссер. Хорошо знает нашу труппу, наши устремления. В постановке участвовала целая бригада Малого театра — сценарграф, художник по костюмам, композитор. Мы довольны результатом. По моему мнению, это важный и плодотворный опыт сотрудничества, такого, которое не для юбилейной галочки в плане, а продумано и прочувствовано со всех сторон.

Как бы ни сложилась моя жизнь в дальнейшем, я все-таки хочу оставаться актером. Это мое главное дело. Но играть приходится все меньше — отвлекают заботы главного режиссера. В последние два сезона не сыграл ни одной новой роли.

— Существует ли в условиях вашего театра проблема зрителя? Ведь вы играете некоторые спектакли по многу лет. В городе со стотысячным населением особенно важны, видимо, постоянные контакты со зрителем?

— Такие контакты у нас, разумеется, есть. Существуют постоянные договоры о сотрудничестве и шефстве с коллективами большого завода «Экранас» (а это десяти тысячный коллектив), крупного животноводческого комплекса. Есть и подшефный колхоз. Есть средняя школа, с которой у нас тесные связи — старшие классики дежурят в гардеробе театра, помогают за кулисами. Дети — наши постоянные зрители. Недавно сыграли премьеру для самых маленьких — «Приключения собаки Пифа». Мы ведь единственный театр в городе. Наша ау-